

Н.Ю. ЗАМЯТИНА

Территориальные идентичности и социальные структуры

Для анализа соотношений между территориальными идентичностями и социальными структурами автор вводит понятие социогеографического пространства. Соотношения между объектами социогеографического пространства связаны как с отношениями между различными социальными группами, так и со структурой социогеографического пространства.

Ключевые слова: территориальная идентичность, социальная структура, территориальные структуры, социогеографическое пространство, географическое положение.

The author analyzes ratios between territorial identities and social structures, and enters concept of socio-geographical space. Ratios between objects of socio-geographical space are connected with relations between various social groups, and with structure of socio-geographical space.

Keywords: territorial identity, social structure, territorial structures, socio-geographical space, geographic location.

Территориальная идентичность – сложное явление. Оно имеет отношение к личной и коллективной идентичности, к определению места человека и сообщества в окружающем мире. Особая проблема – соотношение “вертикальной” и “горизонтальной” составляющих территориальной идентичности, связанных, соответственно, с тождеством объекта самому себе и с его отношениями со значимым окружением.

На мой взгляд, соотношение “вертикальной” и “горизонтальной” идентичности – “ключ” к таким практическим аспектам изучения территориальной идентичности, как образ и бренд территории, а также к устойчивому развитию территории в целом. Наконец, различные типы территориальной идентичности связаны с различными представлениями об окружающем пространстве.

Территориальная идентичность как элемент социогеографического пространства

В последнее время в социологии и философии понятия пространства и территории используются все чаще (появилось даже понятие “пространственного поворота” в социологии, смежных науках и философии). В общем случае речь идет о территории как о своего рода овеществляющей (репрезентирующей, воплощающей) субстанции для разного рода социальных конструкций. В этой связи можно упомянуть прослеженную П. Бурдьё связь между физическим и социальным пространством [Бурдьё, 1993], роль пространства в формировании языковых метафор [Лакофф, Джонсон, 2004], территориализацию, детерриториализацию и ретерриториализацию Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари, 1998], социологию вещей [Латур, 2006; Кнорр-Цетина, 2006], связь

Замятина Надежда Юрьевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

сетевых отношений с формированием регионов [Ло, 2006]. Сходное понимание территории как социально сформированного контекста деятельности характерно и для современной культурной географии [Anderson, 2010]. В результате такого рода процессов формируется представление о социально сконструированном пространстве – буду называть его *социогеографическим*, подразумевая географическое пространство, “размеченное” социальными связями и отношениями.

В общем случае в социогеографическом пространстве устанавливаются следующие соотношения:

- каждое место увязано с определенной социальной группой, социумом, которому принадлежит власть (в первую очередь, символическая) над соответствующим участком пространства;
- сами участки пространства увязываются в определенную систему, соответствующую системе социальных отношений: а) разные участки пространства “наделены” различной ценностью, поскольку репрезентируют неравноценные социальные сущности; б) разные участки пространства формируют иерархии – одни оказываются (воспринимаются) как зависимые от других (по принципу “центр–периферия”);
- формируются разные общие свойства социогеографического пространства: степень централизации, значимость различных направлений (анизотропность пространства).

Первый аспект связан с формированием территориальной идентичности социальных групп и социумов. Такое формирование может быть интерпретировано как конструирование “места” данного социума в окружающем мире; результат данного процесса репрезентируется через привязку социума к конкретному месту в социогеографическом пространстве. Второй и третий аспекты отражают двустороннюю связь между идентичностью социальных групп и территорией. Здесь, с одной стороны, участок пространства¹ наделяется свойствами в связи с “привязанным” к нему социумом, с другой – социум сам “впитывает” определенные свойства “своего места”. Последние зависят от соотношения данного места с другими, то есть от структуры социогеографического пространства в целом.

Детерминирующее влияние структуры социогеографического пространства можно со всей очевидностью проследить по тому, как смыслы, которыми отдельные участки пространства “нагружены” в определенном сообществе, активно используются в практической деятельности [Замятина, 2011^а]. В частности, именно перемещение в пространстве широко применяется в воспитательных целях: начиная с детского сада и в течение всей жизни провинившегося ставят в угол, выгоняют за дверь, отправляют в колонию, ссылают. Замечу, что такие перемещения в современном обществе чаще всего не несут прямого физического ущерба для наказуемого (ведь ставят просто в угол, а не на горюх). Скорее, происходит *наказание символическими позиционными свойствами* угла, периферии. И наоборот, существуют почетные места за столом, на трибуне. Определенные места служат для установки значимых памятников и присвоения имен, а в случае пересмотра идеологического значения увековеченного имени происходит снос или перенос памятников, переименование поселений и улиц. В некоторых случаях локальный социум настолько “нагружен” определенными ценностями, “доставшимися” ему от соответствующего места социопространства, что этот символический груз оказывается реальным препятствием, например, при налаживании экономических контактов².

¹ Здесь я рассматриваю территорию как участок пространства, хотя, строго говоря, соотношение между пространством и территорией, пространством и местом составляет одну из фундаментальных проблем, как минимум, культурной географии [Туан, 1977].

² Консультант по брендингу городов Д. Визгалов часто приводит в пример, как тяжело приходится администрации города Урюпинска; на уровне массовой культуры аналогичная ситуация отражена знаменитым диалогом из фильма Л. Гайдая “Бриллиантовая рука”:

– Будете у нас на Колыме...
– Нет уж, лучше Вы к нам...

По-видимому, структура социогеографического пространства с присущей ему территориальной “раскладкой” системы ценностей формируется социальными группами, наделенными большей символической властью (социальный центр во всех смыслах этого слова), – и уже в этом “готовом” социогеографическом пространстве (допустим, страны) выстраиваются локальные территориальные идентичности. Таким образом, структура социогеографического пространства (в свою очередь влияющая на формирование локальных идентичностей) зависит от доминирующей формы власти в социуме, и шире – от системы сложившихся в нем общественных отношений. По-видимому, каждому типу общества присущ свой тип структуры социопространства. Во всяком случае, существует немало исследований различных пространственных “раскладок” ценностей, социальных, политических и экономических отношений для разных обществ: здесь можно упомянуть работу Ш. Эйзентштада (об особенностях центр-периферийных отношений в обществах разного типа) [Эйзентштадт, 1999], С. Роккана (для Европы) [Роккан, 2006], М. Элиаде и классиков структурной антропологии (для традиционных обществ) [Элиаде, 1987]. Связано с данной проблемой и определение “миров”, или “порядков” (семейный, рыночный, индустриальный и др.), в экономической социологии Л. Болтански и Л. Тевено [Болтански, Тевено, 2000].

Таким образом, территориальная идентичность локальных социальных групп³ получает специфическое *горизонтальное измерение*, “наведенное” сформированной социальными властными центрами⁴ структурой социогеографического пространства. Поскольку различные общества *создают разные системы социальных отношений, системы ценностей и их различные пространственные “развертки”*, каждому обществу должны быть присущи свои формы территориальной идентичности.

Вертикальная и горизонтальная репрезентации территориальной идентичности

Одним из возможных параметров классификации форм территориальной идентичности может быть соотношение горизонтального и вертикального аспектов территориальной идентичности, о которых писалось ранее [Замятина, 2011^a]: они различаются по особенностям соотношения территории – объекта территориальной идентичности – с другими территориями.

Простейший вариант территориальной идентичности можно без особых натяжек назвать сугубо местной, или “почвеннической” (выводы делаются на основе выполненного мной анализа описаний регионов России на официальных сайтах субъектов РФ; подробнее см. [Замятин, Замятина, Митин, 2008]). Эта древняя стратегия типична для традиционных культур. Ее содержание, по сути, сводится к факту существования данного места. Попутно утверждается, что именно оно – хорошее, правильное, а то и единственное. Комплекс представлений о нем почти всегда включает легенду о его происхождении или основании, в которой, как правило, присутствует главный герой – конкретный основатель. Вместо этой легенды или наряду с ней может появляться легенда о незапамятно-давнем происхождении места, но она не исключает героя, знаковой фигуры народной мифологии, усиливающей значение места. Десятки примеров этой мифологии содержат сообщение в духе: “Ехал как-то царь Петр по нашей земле...”.

При этом образ самого места обычно разработан слабо. Многие характеристики субъектов РФ сводятся к формуле “у нас душевные, работающие, гостеприимные люди,

³ Что касается территориальной идентичности социальных групп, то в отношении них, по-видимому, действует правило, аналогичное известному в географии принципу: крупные города сами создают свое географическое положение [Замятина, 2011^a].

⁴ Данный процесс, безусловно, также двусторонний: на формирование агентами власти структуры социопространства оказывают влияние физические свойства самого “исходного” географического пространства (как субстрата).

красивая природа и благодатная, щедрая земля, богатая на грибы, ягоды и таланты”. Подобные описания устроены так, как если бы описываемая территория была уникальна в пространстве⁵. Ведь характерное описание прекрасной и щедрой родной земли мгновенно теряет смысл, если в поле зрения появляется соседняя – не менее прекрасная и щедрая. Иногда в этом контексте добавляется соотнесение с объектами высшего ранга (“в сердце России” и т.п.), но не с равноценными географическими объектами. Иначе любимый край был бы неотличим от других мест с богатой природой и гостеприимными жителями. Их появление в поле зрения означает качественный скачок, радикально меняющий контекст формирования образа характеризуемой территории.

Другой полюс (тип) характеристики территории связан с излишней “зацикленностью” на иной, внешней, территории – объекте постоянных сравнений (подробнее см. [Замятин, Замятина, Митин, 2008]). Таковы фронтирные образы – Севера (в отличие от “материка”), Запада (в отличие от Востока США) и Востока (в отличие от европейского Запада), ранние образы Америки (в отличие от Европы), и т.д. Они наталкивают на предположение, что именно излишняя пространственная заданность характеристик может служить признаком незрелости “образообразования”⁶.

Образы, формируемые без соотнесения с образами других географических объектов, назовем условно *местными*, или “вертикальными”, поскольку их содержание наращивается как бы по вертикали, безотносительно к окружающему пространству. А их антиподы – *пространственными*, “горизонтальными”, как бы выросшими во внешнее пространство.

Очаги развитой городской культуры обычно могут похвастаться детально разработанной местной мифологией. В России ярким примером служит Санкт-Петербург. Детальный анализ формирования этого образа в русской литературе проведен В. Топоровым [Топоров, 1995]. Показательно, что этот образ содержит как “горизонтальную” (противопоставление Москве), так и “вертикальную” экзистенциальную составляющую. Как показано Топоровым, детально разработанный, объемный (“вертикально-горизонтальный”) образ Петербурга – в значительной мере плод культурного труда мигрантов, результат интенсивного “вживания” в чуждую культуру, напряженной культурной адаптации на новом месте. Строго “вертикальные” образы, напротив, характерны для относительно замкнутых и традиционных сообществ – они “автохтонны”. “Горизонтальные” образы характерны для территорий нового освоения, с неукоренившимся населением, где только начинается культурный труд “образного обживания земли”.

Объективные процессы урбанизации, интенсивных миграций, расширения информационных контактов ставят в наименее выгодное положение территории с автохтонными, “вертикальными” образами, характерными для огромной массы населенных пунктов России: интровертные образы “благодатной” земли разрушаются. В столкновении с образами сотен других мест, “просто” благодатное и красивое место буквально теряет свою уникальность, а вместе с ней – отчасти и идентичность. Развитие же нового, более сложного и полноценного образа требует времени, а главное – интенсивной культурной жизни, для которой у местного сообщества порой просто нет человеческих ресурсов.

Возможный механизм формирования “вертикального” и “горизонтального” аспектов территориальной идентичности

Один из механизмов формирования территориальной идентичности описан в классической работе Б. Андерсона о становлении национальных государств [Андерсон, 2001]. Здесь большая роль в формировании территориальной идентичности отводится функциональным связям: на базе *территориально ограниченных* функциональных связей формируется сообщество с явно выраженной идентичностью.

⁵ Примерно так обитатели некоторой округи понимают выражение “поехать в город”. Для локального социума (“мира”) город, допустим райцентр, по своей сути единствен.

⁶ Аналогичное наблюдение сделал Л. Смирнягин, изучая слоганы американских городов [Смирнягин, 2012].

Однако замечу: на раннем этапе существования связанная функциональными отношениями территориальная группа не осознает себя как целое территориальное сообщество. В концепции Андерсона есть еще более интересный аспект: на формирование территориальной идентичности влияет заранее заданный *образ общей территории*, в частности карта.

Здесь важно обратиться к проблеме интенсификации исходных оснований идентичности. В исследовании о формировании государственной идентичности немецкий историк Я. Ассман характеризует процесс формирования идентичности как “доведение до сведения” индивида его принадлежности к некоторой культуре. Данный процесс в то же время есть процесс интенсификации исходных структур формирования идентичности, причем “доведение до сведения” является средством интенсификации: «Скорее, эта принадлежность (культуре. – Н.З.) как нечто само собой разумеющееся находится за пределами осознанного, мотивирующего поступка, представления о себе. Только через доведение до сведения – например, через обряды инициации, или через осознание своих особенностей, например, благодаря встрече с иного рода обществами и формами жизни – принадлежность может интенсифицироваться до *мы-идентичности*. Мы понимаем коллективную идентичность как социальную принадлежность, ставшую предметом рефлексии. Соответственно, культурная идентичность – это ставшая предметом рефлексии причастность к той или иной культуре, иначе говоря, признание своей принадлежности к ней...

Различие между исходной структурой и ее интенсификацией через рефлекссию можно проиллюстрировать примером феминизма. Каждый человек практически необратимо принадлежит к одному из двух полов. Однако говорить о “мужской” или “женской идентичности” (в нашем понимании) имеет смысл только в том случае, если к этой принадлежности, имеющей исходно характер чистой классификации, присоединяются *мы-сознание*, чувство солидарности и товарищества, а также представление о себе как о члене сплоченной общности. Феминизм предлагает именно это: он порождает женскую коллективную идентичность. В подобном же смысле К. Маркс говорит о “коллективном субъекте” применительно к общественным классам. Через осознание общего положения принадлежность должна превратиться в сопринадлежность, а масса – в сплоченный коллективный субъект, способный к действию в силу своей идентичности. В обоих случаях это происходит через “контрастное” или “антагонистическое” сплачивание, в первом случае через противопоставление себя мужчинам, во втором – верхним слоям общества. Антагонизм – типичный случай тех условий, которые вызывают осознание и интенсификацию исходных структур и тем самым становление коллективных идентичностей» [Ассман, 2004, с. 143—144].

С моей точки зрения, интенсификация идентичности⁷ может происходить в ходе праздничных обрядов, а в письменных культурах основным инструментом репрезентации и поддержания идентичности становится письменная история. Ассман указывает также на такие средства интенсификации идентичности, как архитектурные сооружения, особенности внешнего вида членов сообщества [Ассман, 2004].

Таким образом, процесс формирования идентичности связан с интенсификацией представлений об общности, при этом в процессе интенсификации они должны быть доведены до сведения индивида, то есть *репрезентированы*. Возвращаясь к Андерсо-

⁷ Пока оставляю в стороне еще одну важную тему, а именно – соотношение осознания принадлежности, идентичности и сопричастности. Так, в территориальном аспекте индивид включен, например, в группу избирателей определенного избирательного участка. Придя в поликлинику, он оказывается принадлежащим к зоне ответственности педиатра Ивановой; придя записывать ребенка в детский сад, индивид оказывается включенным в группу прописанных на улице Цюрупы. На мой взгляд, приведенные примеры являются примерами территориальной принадлежности, но не сопричастности и не идентичности. Однако замечу, что в некоторых случаях приведенные примеры “исходных структур” могут быть интенсифицированы до сопричастности: скажем, могут возникать сетевые сообщества, борющиеся против нарушения закона на определенном избирательном участке, за отстранение от работы нерадивого педиатра Ивановой, а также против закрытия детского сада в районе, в который включается и улица Цюрупы. Проблема же соотношения сопричастности и идентичности требует отдельного исследования.

ну, можно тем самым утверждать, что карта была именно такого рода инструментом “доведения до сведения” колониальных сообществ идеи их общности и, соответственно, средством интенсификации исходных структур формирования идентичности. Отсюда следует, что наличие образа общей территории является одним из факторов, превращающих *функциональную территориальную группу в территориальное сообщество* – по крайней мере, в случаях, рассмотренных Андерсоном [Андерсон, 2001]. Таким образом, членение обществом окружающего пространства, связанное с формированием образов отдельных его частей, оказывается одной из основ формирования соответствующих территориальных сообществ.

На мой взгляд, “вертикальные” и “горизонтальные” образы территории связаны с двумя типами интенсифицирующих процессов формирования идентичности, описанных Ассманом. Механизм их в первом приближении может быть охарактеризован следующим образом: чтобы общность была осознана, нужно как-то интенсифицировать чувство общности. Чаще всего интенсификация происходит двумя путями. Первый – столкновение с другой культурой (знаменитый пример, когда польские крестьяне почувствовали себя поляками, а не просто крестьянами, только эмигрировав в США). Второй связан с формированием централизованного государства. В первом случае идентификация – преимущественно следствие силы дифференциации (формирование идентичности как оппозиции Чужому), во втором – силы интеграции (вокруг некой общей “идеи”). Хотя данные процессы взаимосвязаны, Ассман выделяет общества, в которых интенсифицирующей силой (превращающей принадлежность в идентичность) является либо интеграция, либо дифференциация [Ассман, 2004].

Характерно, что сообщества, созданные разными интенсифицирующими силами, обладают различными свойствами. Различается, в частности, их пространственное устройство. В интегративных сообществах развиты центр-периферийные отношения: центр задает некий культурный образец, который периферия в той или иной степени принимает: «Культура становится феноменом верхних слоев. При этом культура считает себя, как правило, не культурой элиты, противостоящей культуре народа, а культурой “просто”, и разница лишь в том, что элита лучше ее усвоила и воплотила... Нижние слои были причастны культуре тем, что становились предметом ее внимания» [Ассман, 2004, с. 160—161]. Соответственно, на периферии допустимо некоторое разнообразие, которое постепенно подвергается ассимиляции. Сообщества, идентичность которых связана с дифференциацией, напротив, отличаются внутренней однородностью.

В том и другом случае различаются и формы репрезентации идентичности. “Спутниками” политической интеграции, по Ассману, нередко выступает строительство монументальных зданий (упоминается любопытный проект строительства пирамиды в Лондоне – столице Британской империи). “Спутником” дифференциации оказывается выделение некоторой “пороговой структуры” (по А. Гелену), “пограничного признака”, носителем которого может быть не только территория, но и человек: “Граница проводится орнаментами татуировки, раскраской тела, специально наносимыми увещьями, украшениями, костюмом, языком, кухней, образом жизни, в общем, культурой как вещным имуществом, преданиями, мифами и проч. (Вспомним шотландские орнаменты, которые одновременно являются отличительными знаками кланов.)” [Ассман, 2004, с. 156, 165].

Сочетая мои наблюдения о различных типах географических образов (“вертикальные” и “горизонтальные”) с разными типами интенсификации идентичности по Ассману, легко прийти к выводу, что “вертикальные” образы территории должны продуцироваться интегративными сообществами. Соответственно, “горизонтальные” образы характерны для сообществ, интенсифицирующей силой идентичности которых является дифференциация.

Таким образом, изучение формирования территориальной идентичности на определенной территории заставляет последовательно переходить от одного объекта изучения к другому: собственно территория, население территории, организованное

тем или иным образом, местное сообщество (если оно сформировано), образ территории у местного сообщества, образ самого сообщества у его членов. Образ территории, по всей видимости, играет важную роль в процессе репрезентации оснований для формирования территориального сообщества – и тем самым, для формирования территориальной идентичности. В свою очередь, образ территории может иметь различную форму: “вертикальные” образы связаны с утверждением существования определенной территории и мало связаны с окружающим пространством, “горизонтальные”, напротив, основаны на отличиях данной территории от прочих. Тип образа территории, по-видимому, зависит от типа формирования сообщества: в случае, если территориальное сообщество сформировано интеграционными процессами, преобладают “вертикальные образы”, если же формирование сообщества связано, в основном, с процессом дифференциации от чужаков, преобладают “горизонтальные” образы своей территории. Тем самым процессы формирования территориальных сообществ, территориальной идентичности и образов территории тесно увязаны друг с другом.

Коллективная территориальная идентичность и структура пространственных представлений разных эпох

Ранее я уже высказывала идею о том, что в различных типах сообществ наблюдаются различные типы коллективной идентичности [Замятина, 2011⁶]. В частности, меняется соотношение “вертикальной” идентичности (связанной с реализацией идентичности сообщества самому себе) и “горизонтальной” (связанной с осознанием места данного сообщества в ряду других). На наиболее общем уровне можно выделить типы территориальной идентичности, сопряженные с системой пространственных представлений, характерных для традиционных, имперских, современных и постмодерновых (позднемодерных) обществ⁸.

В традиционных и архаических сообществах преобладает “вертикальная” идентичность, связанная с определением экзистенциального смысла данного сообщества и оформляемая через типичные мифы о творении, об основании поселения. Идентичность традиционного сообщества обычно четко связана с представлениями о действительности, правильности и “богоизбранности” соответствующего сообщества, противопоставляемого *всем прочим* сообществам (нечистых, “немцев”, “поганных”). Идентичность в рамках таких сообществ носит универсальный характер и ее структурирующая поведенческую роль может быть выражена в формуле “*Я так поступаю, потому что у НАС, у ЛЮДЕЙ, так принято*”⁹.

Аналогичная картина мира типична для мифологического сознания в целом и в настоящее время проявляется в религиозном сознании, а также в “островках” традиционного сознания [Элиаде, 1987; Калущков... 1998]. Отголоски этих мифологических архетипов наблюдаются до сих пор, в частности в сюжетах народной топонимики об основании или наречении определенного села или города царем (Петром I, реже – Екатериной II, князем Кием и др.). В пространственно-структурном отношении такая идентичность аналогична модели идеального государства И. фон Тюнена, состоящего из совокупности концентрических зон, окруженной извне пустотой [Тюнен, 1926]. В некоторых случаях в традиционных обществах формируется и горизонтальное “измерение” идентичности, обусловленное представлением о положении данного места в иерархической системе сакральных центров (с центром в Оси Мира). Возникает подобие имперской структуры.

Территориальные структуры империй (традиционных и Нового времени) восходят к данному типу пространственных структур, но имеют специфические особенности, требующие выделения особого имперского подтипа территориальной структуры цент-

⁸ Первые три типа обществ соответствуют патримониальным и имперским обществам, выделяемым Ш. Эйзенштадтом, трактовка общества модерна и постмодерна в целом соответствует подходам А. Турена и Ф. Кука [Эйзенштадт, 1999; Турен, 1999; Кук, 2002].

⁹ В рамках такого рода обществ неравенство относительно слабо выражено.

рализованного типа. Территориальная структура социальных отношений и ценностей в империях представляет собой сложную иерархическую систему территорий, в той или иной степени “приобщенных” к Центру (подробнейшим образом модель центр-периферийных отношений в обществах имперского типа охарактеризована Эйзенштадтом). Территориальная структура “внутренних” районов империй напоминает систему соподчиненных иерархических уровней, каждый из которых организован по принципу “центр-периферия” наподобие хрестоматийной административной решетки В. Кристаллера с коэффициентом $K = 7^{10}$.

Центр империи в определенном смысле является проекцией Высшего порядка, подобно любому центру традиционных обществ (об элементах экзистенциального восприятия центров империй Нового времени и, в частности, Лондона, см. [Ассман, 2004; Imperial... 1999]). Локальные центры в империи не обладают самостоятельной ценностью, но обретают ее через функцию представительства имперского Центра (на различных иерархических уровнях). Структурирующая социальное поведение власть империи близка формуле “я так поступаю, потому что я служу Центру (короне, цезарю)”. На окраинах империи остаются территории, в незначительной степени охваченные властью Центра. Здесь могут сохраняться субцентры доимперского (традиционного типа). По-видимому, на слабоосвоенных территориях возможно и формирование новых относительно автономных центров¹¹.

Однако в большинстве случаев наблюдается процесс конструирования новых идентичностей окраин империй как бы “с точки зрения” Центра метрополии, постепенно распространяющийся и на самоидентификацию местного населения (процесс подробно описан в рамках постколониального направления социально-культурных исследований; см. [Саид, 2006]). Конструируемые идентичности окраин империй в значительной степени¹² имеют однородную “территориальную раскладку”: воспринятые “с точки зрения” Центра метрополии, они осмысляются как внутренне однородные образования (“Индии”, “земля тангутов”); для их жителей характерно применение обобщающих названий (туземцы, инородцы; названия национальностей в имперских переписях не слишком отличаются от таких общих названий; см. [Андерсон, 2001]). Подобные окраинные территории – потенциальные источники формирования новых властных структур (что и нашло отражение в ходе освождения колоний). В полном виде территориальная модель социальных структур в рамках империи может быть представлена в виде условной “ромашки” с сетевым образом структурированным центром и обширными однородными “лепестками” (каждый из которых, с точки зрения Центра, может быть окрашен в свой цвет).

В ходе становления общества Модерна (индустриального) общества картина мира “уплощается” [Замятин, 2001], и большую роль начинает играть “горизонтальная” идентичность. Она связана с рефлексией качественных отличий некоторых сообществ от соседей и одновременно с формированием представлений об общности черт всех идентифицирующихся обществ.

“Помечая” горизонтальную идентичность периодом Модерна, я, конечно, упрощаю ситуацию. Строго говоря, горизонтальная идентичность была присуща, по-видимому, и более ранним культурам “вольных” городов Западной Европы (“пояс городов” С. Роккана) [Роккан, 2006] и вообще городской, полисной культуре [Васильев, 2000]; она же, по-видимому, связана с так называемым “рыночным миром” Болтански и Тевено [Болтански, Тевено, 2000]. Сообщества индустриальных районов (формирующих-

¹⁰ О “решетке Кристаллера” см. [Бунге, 1967, с. 141–147; Леш, 1959].

¹¹ Знаменитые злоупотребления губернаторов окраин Российской империи, да и современной России – по-видимому, связаны именно с такими образованиями.

¹² Хорошей иллюстрацией такой структуры служит система наименований административных единиц Российской империи и современной России: в “коренной” России преобладают единицы, название которых происходит от названия административного центра (например, Вологодская губерния или область); при движении к окраинам все чаще попадаются “не-центрированные” названия вроде Амурской области и Приморского края (подробнее я писала об этом в [Замятина, 1999]).

ся в эпоху Модерна) также имеют многие признаки горизонтальной идентичности, в том числе ориентацию на внутреннюю однородность сообщества – однако при этом возникают сомнения относительно формирования территориальной идентичности как таковой: здесь наблюдается тенденция подмены территориальной общности корпоративной, “производственной”¹³, – но иногда (по-видимому, при смысловой “эрозии” производственной идентичности) именно в рабочих районах формируются наиболее ярко выраженные районы горизонтальной идентичности (Люберцы 1990-х гг.).

Становление национальных государств было, в числе прочего, результатом мощнейших процессов формирования горизонтальной идентичности сначала американских колониальных, затем европейских сообществ: по сути, “цунами” формирования горизонтальных идентичностей выплеснулось за пределы американских колоний и захлестнуло сами метрополии, а затем растеклось по афро-азиатским территориям [Андерсон, 2001].

Замечу, что важным элементом формирования обществ “горизонтальной” идентичности в индустриальное время стала идея *самоценности* сообщества равных¹⁴, в явной форме отрефлексируемая отцами-основателями США (американское “мы, народ”, Декларация независимости США). “Горизонтальные” структуры идентичности сообществ индустриального времени, по-видимому, обязательно включают институты самоуправления – в отличие от “горизонтальных” структур окраин империй. В последнем случае именно огромный лаг между отрефлексируемой общностью жителей колоний, противопоставленной обществу метрополий и отсутствием властных ресурсов в колониях привел к краху колониальной системы [Андерсон, 2001].

В рамках сообществ с территориальной идентичностью “горизонтального” типа поддерживаются институты воспроизводства внутренней однородности и их “оборотная сторона”: отсев и отделение Чужих. В рамках территориальной идентичности имперского типа, напротив, работают институты воспроизводства иерархической структуры, основанной на различной степени интегрированности с Центром; при этом вхождение в состав системы элементов разной степени чуждости допускается и структурируется размещением в той или иной степени Чужих (“инородцев”, “раскольников”) на разных ступенях социальной иерархии. В рамках централизованных систем традиционных обществ на локальном уровне обычно поддерживаются институты охраны сообщества от Чужих (обычно понимаемых как “нечистых”) – по этому признаку к традиционным сообществам близки индустриальные¹⁵; в то же время, в отличие от последних, в рамках традиционных сообществ воспроизводится внутренняя иерархия (впрочем, многократно более слабая, чем в имперских сообществах).

В структурном отношении классическая картина территориальных идентичностей индустриальной эпохи являет собой систему однородных районов, наглядно пред-

¹³ Гипертрофированный пример такого рода идентификации привела М. Либоракина: «В одном из промышленных уральских городов каждый год проводится карнавал. Это действо, которое любят все, в нем все активнейшим образом участвуют. Процедура вся выстроена по заводам и по цехам. Видеозапись нам показывали, там грозовик, на нем беременные женщины под лозунгом “Мы рожаем для завода!”» (цит. по [Низовая демократия... 2006]).

¹⁴ Нечто подобное наблюдалось в свободных городах средневековой Европы, где “воздух города делал человека свободным”, и практиковалось городское самоуправление – по-видимому, горизонтальная идентичность горожан “против сеньора” была прообразом горизонтальной идентичности будущих колоний.

¹⁵ Даже в американском обществе, традиционно ориентированном на иммиграцию, с момента формирования сильны тенденции ограничения заноса “чуждых элементов” как угрозы собственной идентичности. Так, Т. Джефферсон опасался заноса новыми иммигрантами из Европы монархических идей: “Они (иммигранты из Европы. – Н.З.) привезут с собой принципы действия своих правительств, усвоенные ими еще в ранней юности, если они смогут отбросить их, то лишь поменяв их на безграничную распушенность, перейдя, как обычно, от одной крайности к другой. Было бы чудом, если бы они не переступили точных пределов разумной свободы. Эти принципы вместе со своим языком они передадут своим детям. Пропорционально своей численности они разделят с нами законодательство. Они вдохнут в него свой дух, исказят и ограничат его направленность и превратят его в неоднородную, бессвязную, путаную массу... Если они придут сами по себе, то они будут иметь все права гражданства. Но я сомневаюсь в целесообразности их приглашения с помощью особых приглашений” [Джефферсон, 1990, с. 171].

ставленную “пятнистой” политической картой мира или картой административного деления любой современной страны. В рамках каждой “ячейки” таких сообществ формируются экономические и политические центры, но их социально-структурирующая роль для окружающих территорий многократно слабее, чем роль центров и субцентров империй. В отличие от империй, в сообществах индустриального типа наблюдаются многообразные горизонтальные связи между центрами одного иерархического уровня, подобно связи центров в модели Кристаллера с коэффициентами $K = 3$ или $K = 4$.

Общей формой социальных отношений в постиндустриальную эпоху выступает глобальная сеть (или сети), связанная (-ые) с властью крупных транснациональных корпораций. Данные сети, как правило, жестко централизованы и сложно устроены (не случаен расхожий эпитет “империй” в отношении некоторых корпораций, особенно в сфере массмедиа). Одно из проявлений процесса становления такого типа пространственных структур – становление сети глобальных городов с соответствующими зонами влияния [Taylor, 2000].

Как отмечается, постиндустриальные глобальные корпоративные структуры осуществляют властный контроль индивидов жестче, чем когда-либо. Как уже сказано, при этом разрушаются традиционные институты коллективной идентичности – архаические и национальные. В качестве потенциальной альтернативы иногда говорят о подъеме корпоративной идентичности; высказываются также мнения об окончательном разрушении и “макдональдизации” региональных культур [Anderson, 2010]. Тем не менее, по-видимому, в постиндустриальном обществе конструируется довольно широкий спектр новых коллективных идентичностей, прежде всего горизонтальных, основанных на “правильном” образе жизни “успешных” людей, противопоставленном образу жизни обобщенных неудачников, “лохов”. Такая идентичность может быть охарактеризована установкой: *“Я так поступаю, потому что У НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ так принято”*. Это очень близко к установке идентичности в традиционных обществах; не случайно эпоху постмодерна связывают с возрождением архаики.

В территориальном отношении в ходе целенаправленного брендинга территорий конструируются специфические аналоги территориальной идентичности, структурирующие поведение на данной территории (как местных жителей, так и приезжих). По-видимому, можно говорить о целенаправленном формировании *власти места* (в определенной мере снижающей информационную неопределенность и способствующей онтологической безопасности) *без формирования местного сообщества* в традиционном смысле этого слова.

Однако параллельно с глобальными сетями, структурированными в рамках законов постиндустриальной экономики, маркетинга и брендинга, в современную эпоху существуют “островки” традиционных культур. Кроме них, в “дырах” (Турен) жестких глобальных сетей формируются разного рода протестные сообщества, обладающие радикально другим типом структуры. К ним нередко применяют понятия “сетевые сообщества” или “социальные сети”¹⁶; впрочем, в книге Э. Амина и Н. Трифта речь идет о неудачности сетевой метафоры: “Метафора сети отнюдь не самая удачная, поскольку она может вызвать представление о фиксированной совокупности узлов, из которых все циркулирует по строго заданным каналам, а не о совокупности зачастую слабых флюидных потоков” [Амин, Трифт, 2002, с. 231]. Характерный признак данных структур – относительная однородность, отсутствие ярко выраженных центров, нередко – турбулентность, непреднамеренность действий, возможно – территориальная

¹⁶ Один из наиболее известных авторов в области теории сетевых сообществ М. Кастельс не разделял турбулентные (НЕиерархические) сообщества и жесткоцентрализованные (по сути, имперские) структуры корпораций (например, в качестве примеров сетевых структур в заключении к первому тому своей широко известной трилогии Кастельс подряд перечисляет совокупность советов министров европейских государств – действительно однородную горизонтальную структуру – и сеть производства и распространения наркотиков, где, как правило, выражен жесткий властный центр, представленный “наркобаронами”). Однако пространственная организация двух данных видов пространственных социальных структур радикально и принципиально различна [Кастельс, 1999, с. 495].

текучесть. Мне представляется наиболее подходящим термином для их обозначения понятие “турбулентных структур”, отражающее потенциально подвижный характер таких сообществ, потоками циркулирующих “в ячейках” жестких глобальных сетей.

Турбулентные структуры, как и постиндустриальные глобальные (потребительские) сети, по-видимому, также лишены классических признаков местной коллективной идентичности – как в силу подвижности, так и в силу формирования специфических носителей – индивидов, свободных от власти социальных структур в целом [Турен, 1999]. Тем не менее в них, предположительно, наблюдается некое подобие структуральных свойств, основанное на новых принципах: попробую их объяснить.

Модельными типами турбулентных структур (“идеальными коммуникативными сообществами”) обычно считают “международные ассамблеи, научные организации и дискуссионные клубы” [Турен, 1999, с. 473]. Между тем многочисленные исследования взаимосвязей в рамках научных сообществ подтверждают, что в них формируются специфические социальные сети, “канализирующие” распространение информации, профессиональные контакты и др. Основываясь на гипотезе Турена о том, что научные сообщества состоят из “свободных” индивидов, предположу, что роль рефлексии принадлежности (“я контактирую с ним, потому что он *СВОЙ*”) здесь радикально снижается; в то же время увеличивается доля сознательно мотивируемых решений.

Однако при необходимости совершать большое количество сознательных решений возникает необходимость прибегать к экономии мышления – и одним из факторов минимизации издержек при выборе агентов контакта может служить *рутинная сеть социальных контактов*, основанная не столько на принципах *коллективного сходства*, сколько на принципах *личностного знания* (“я контактирую с ним, потому что я его *ЗНАЮ* и *предпочитаю*”). В пользу этого свидетельствуют примеры изучения некоторых социальных сетей интеллектуалов вроде системы фирм Кремниевой (Силиконовой) долины. Здесь индивидуальные качества специалиста, легко переходящего из фирмы в фирму, важнее свойств фирмы, которую он в данный момент представляет: по сути, здесь на практике описан пример функционирования “сети свободных индивидов” Турена [Saxenian, 1990; 1996]¹⁷.

Таким образом, определенные структуральные свойства могут наблюдаться и у турбулентных сообществ. Но в силу функционального отличия от традиционных социальных структур такого рода структуральные свойства уже нельзя рассматривать как коллективную идентичность. Любопытнее всего, что турбулентные сообщества, по-видимому, все же могут формировать *свои места* – места, в которых доминирует власть турбулентных сообществ.

* * *

В общем случае для различных эпох (включая и современную) актуальна следующая цепочка. Различные общества (главным образом, их ядерные части, властные центры) формируют специфическую социальную территориальную структуру (специфика соотношения центра и периферии); социальной территориальной струк-

¹⁷ Хотя и данный пример неоднозначен. Бизнес-среда Силиконовой долины как свободного сетевого сообщества индивидов подробнейшим образом описана американской исследовательницей А. Саксений [Saxenian, 1996]. Тем не менее и там (несмотря на знаменитую терпимость калифорнийского сообщества в расовом, национальном, сексуальном отношениях) можно наблюдать некоторые признаки формирования внутренней однородности; в среде профессионалов Силиконовой долины сформировался свой “язык” [Saxenian, 1996, с. 37] и даже определенная манера одеваться. Именно как признак определенной нормы (а не полной свободы) можно интерпретировать отмеченное автором обстоятельство, что в Силиконовой долине *принято* (курсив мой. – Н.З.) ходить на работу в джинсах и футболках – в отличие от компьютерных фирм Массачусетса, главного конкурента Силиконовой долины, где были *приняты* галстуки и пиджаки [Saxenian, 1996, с. 29]. Современные туристические фирмы уже используют данное обстоятельство как жесткий “идентификационный признак” включения в число “своих” на территории Силиконовой долины: «Это тип ошибок, которые обычно делают “новоприбывшие” предприниматели... Галстук... Да, именно он. Его здесь не носят... Хотите одеть? Можно, ну только если вы агент ФБР или сотрудник администрации президента США. Это не шутка» [Бондарь, Шнурко-Табаква, 2011, с. 1, 6].

туре соответствует структура социогеографического пространства – географического пространства, “нагруженного” культурными смыслами. В социогеографическом пространстве формируются взаимосвязанные образы отдельных территорий и их ценностные иерархии. В рамках свойственных данному обществу процессов интенсификации идентичности образы территорий оказывают влияние на формирование территориальных идентичностей. В итоге каждому обществу оказывается свойствен определенный набор структурных типов территориальных идентичностей, различающихся по соотношению “горизонтальной” и “вертикальной” составляющих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амин Э., Трифт Н.* Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4 (34).
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.
- Бондарь Д., Шнурко-Табакова Э.* На родине инноваций: тур в Силиконовую долину // Channel Partner – Украина. № 9–10 (129). 2011. Май.
- Бунге В.* Теоретическая география. М., 1967.
- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М., 1998.
- Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л., 1990.
- Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М., 2008.
- Замятина Н.Ю.* Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4.
- Замятина Н.Ю.* Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Международный журнал исследований культуры. 2011^а. Вып. 4 (5).
- Замятина Н.Ю.* Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // Идентичность как предмет политического анализа. М., 2011^б.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.
- Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
- Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. М., 2006.
- Кук Ф.* Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. № 3–4 (34).
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Латур Б.* Об интерсубъективности. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М., 2006.
- Леш А.* Географическое размещение хозяйства. М., 1959.
- Ло Дж.* Объекты и пространства // Социология вещей. М., 2006.
- Низовая демократия в России: проблемы и перспективы. Стенограмма круглого стола в фонде “Либеральная миссия”. 24.04.06 (http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=213310&PHPSESSID=).
- Роккан С.* Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. Научное наследие Стейна Роккана. М., 2006.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.
- Смирнягин Л.В.* Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И.М. Маергойза. М., 2012.
- Топоров В.Н.* Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Турен А.* Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
- Тюнел И.Г.* Изолированное государство. М., 1926.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Anderson J. Understanding Cultural Geography : Places and Traces. London–New York, 2010.

Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. Manchester, 1999.

Saxenian A. Regional Advantage. Culture and Competition in Silicon Valley and Root 128. Cambridge–London, 1996.

Saxenian A. Regional Networks and the Resurgence of Silicon Valley // California Management Review. 1990. Vol. 33. № 1.

Taylor P. World Cities and Territorial States under Conditions of Contemporary Globalization // Political Geography. 2000. № 19.

Tuan Yi-Fu. Space and Place. The Perspective of Experience. Minneapolis, 1977.

© Н. Замятина, 2012